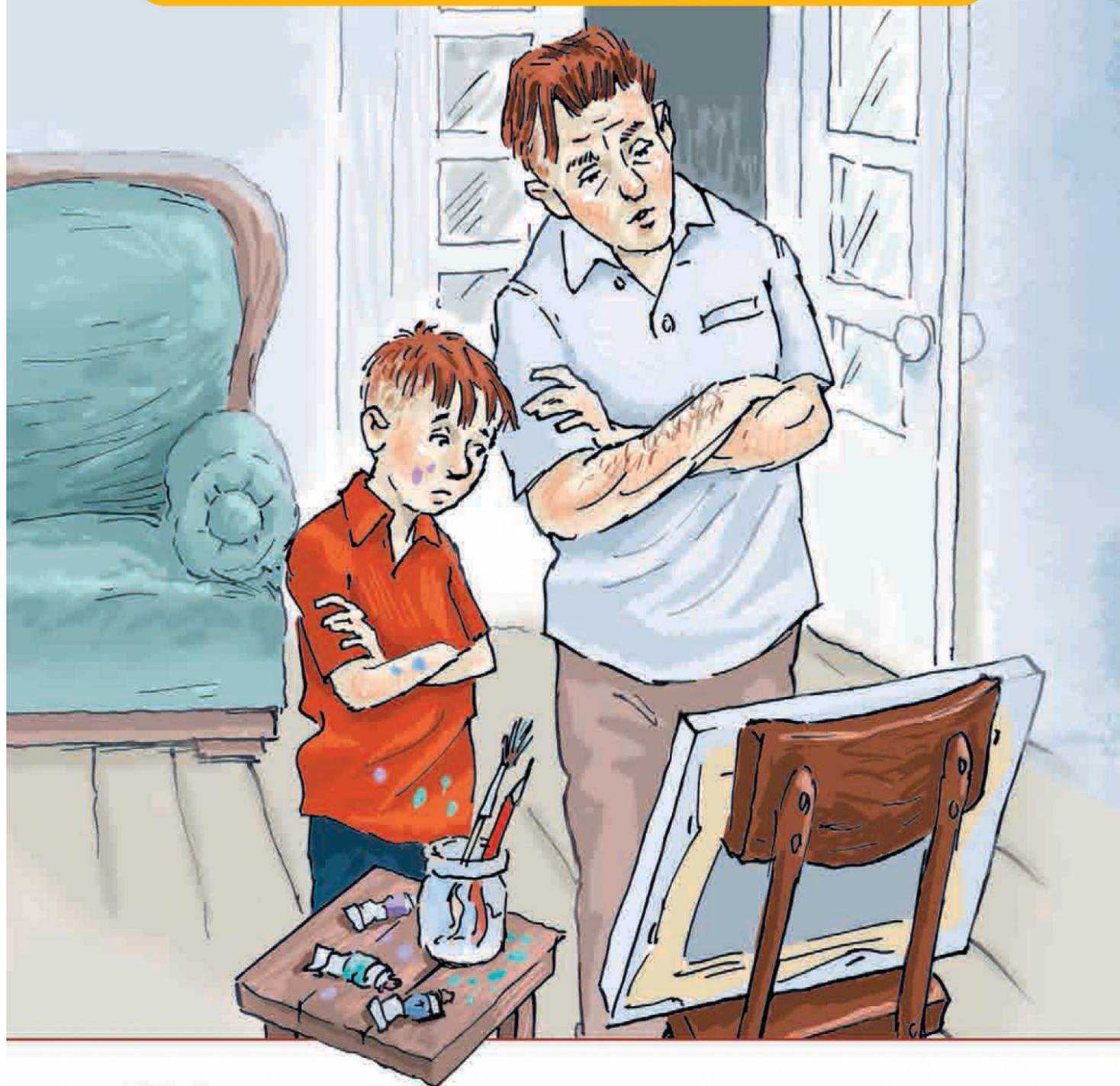

ВНЕКЛАСНОЕ ЧТЕНИЕ

В. В. Голявкин

**РИСУНКИ
НА АСФАЛЬТЕ**

ПРОИЗВЕДЕНИЕ ПЕЧАТАЕТСЯ БЕЗ СОКРАЩЕНИЙ

Внеклассное чтение (Росмэн)

Виктор Голявкин

Рисунки на асфальте

«РОСМЭН»

2017

УДК 821.161.1-32-93
ББК 84(2Рос=Рус)6

Голявкин В. В.

Рисунки на асфальте / В. В. Голявкин — «Росмэн»,
2017 — (Внеклассное чтение (Росмэн))

ISBN 978-5-353-08306-1

«Рисунки на асфальте», пожалуй, самая светлая, лиричная и удивительно добрая повесть замечательного писателя Виктора Голявкина. Она о мальчике, чье детство выпало на послевоенные годы, о школьных товарищах и любимых учителях, о первых горьких потерях и самой заветной детской мечте.

УДК 821.161.1-32-93
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-353-08306-1

© Голявкин В. В., 2017
© Росмэн, 2017

Содержание

Очень редкая рама	6
Самая большая рама	9
Алька	12
Пётр Петрович	18
Кафаров	22
Возле учительской	25
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Виктор Голявкин

Рисунки на асфальте

© В. Голявкин, наследники, 2017

© В. Минеев, иллюстрации, 2017

© ООО «РОСМЭН», 2017

* * *

Очень редкая рама

– ...Вот бухта, вот корабли...

– А это?

– А это, вдали, Девичья башня, товарищи, с неё, с этой невероятной высоты, когда-то... дай бог памяти... прыгнула в море заточённая красавица... тогда воды моря омывали эту башню, так сказать, со всех сторон... Обращаю ваше внимание на многочисленные плоские крыши домов... этот фактор, как вы сами понимаете, говорит о том, что осадков в нашем городе выпадает незначительное количество...

– А это?

– ...эти красные цветы, товарищи, так называемые олеандры... Обратите внимание... вы видите громадную фигуру Кирова... Киров как бы стоит над бухтой... он приветствует этот чудесный город с этой горы... А сейчас мы снимемся на фоне нашего великолепного города, который расположен на берегу Каспийского моря, как вы сами видите, товарищи...

– На фоне кораблика!

– На фоне кораблика, товарищи, сняться нельзя, потому что он, как вы сами понимаете, не будет виден на фотографии.

– Ой, почему же?

– А потому, товарищи, что он на весьма далёком расстоянии находится от нас, что вы сами, естественно, видите.

– А может, получится?

– Нет, товарищи, я уже вам сказал, он не получится. Кто любит экзотику, садитесь на камни, а кто не любит, вот встаньте сюда, вот так... весь Баку будет как на ладони, что, вы сами понимаете, очень ценно... Фотографирую, товарищи, фотографирую, раз! Всё, товарищи. Разойдитесь, и в положенное время снова соберётесь для дальнейшего движения...

Все расходятся. Я подхожу к отцу. Он вытирает платком лицо. Жара в нашем городе сильная.

– Тебе чего? – спрашивает отец.

– Очень редкая рама, – говорю я.
– Опять рама?
– Очень редкая, – говорю я.
– Отстань, – говорит отец. – Все собрались? (Это он говорит не мне.) Продолжим шествие, товарищи...

Все идут за отцом.

– ...я хочу обратить ваше внимание на то, что ветры в нашем городе дуют двести сорок дней в году... Но бухта, товарищи, расположена таким образом...

Я плетусь сзади. Вся пыль летит на меня.

Если он мне не купит эту раму, я просто не знаю, что мне делать, где мне деньги доставать тогда... Картины без рам – не картины. Вот я был в музее. Там все картины в рамах. Висят как настоящие. Напишу я потом картины масляными красками. А рам у меня не будет...

– ...отсюда, товарищи, с этой высоты, вы видите бульвар... которого раньше, как вы сами понимаете, не было... Было море... По этому факту вы можете себе представить, насколько обмелело море, которое даёт испарений... чтобы не соврать...

– Неужели так обмелело?

– Вот именно, товарищи... вы правильно заметили... оно обмелело именно до такой степени... И жара и время... которое, так же как и жара... постепенно...

Все с удивлением смотрят на море. Качают головами и вздыхают.

Я думаю о раме. Эта рама сейчас у меня перед глазами. Такую раму просто представить себе трудно! Потом такой рамы ни за что не найдёшь, уж в этом-то я уверен!

– ...изменения, всюду большие изменения...

Пыли-то сколько!

– ...если вы не устали, мы можем пройтись...

Неужели не устали? Я и то устал.

– ...отдохните и соберитесь для дальнейшего движения...

Все расходятся, курят. Без конца говорят о том, до чего всё-таки удивительно обмелело море.

Отец остался один. Я подхожу к нему.

– Ты всё ещё здесь?

– Такая рама! – говорю я.

– Это бессмысленно – покупать какие-то рамы! – говорит он.

– Если б ты видел эту раму! – говорю я.

– И видеть не хочу, – говорит он.

– Мне нужна рама!

– Для чего?

– Ты увидишь её! Увидишь! Я не знаю, что с тобой будет, если ты эту раму увидишь! Ты такую раму ещё никогда не видел!

– У тебя нет картин, – говорит отец. – Ни одной нет картины. Господи! Зачем тебе рама?

– Картины будут, – говорю я, – были бы рамы!

Он смотрит на меня так, будто я вру.

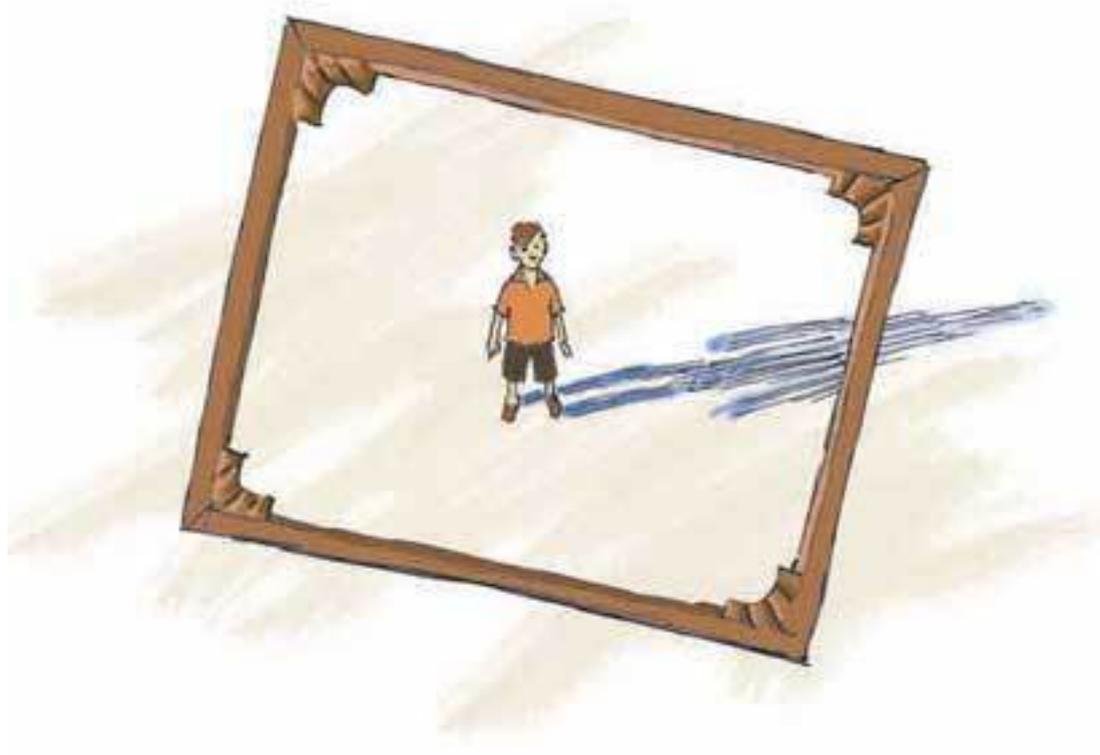
– Стал бы я покупать эти рамы, если у меня картин не будет!

– Чтоб это было в последний раз!

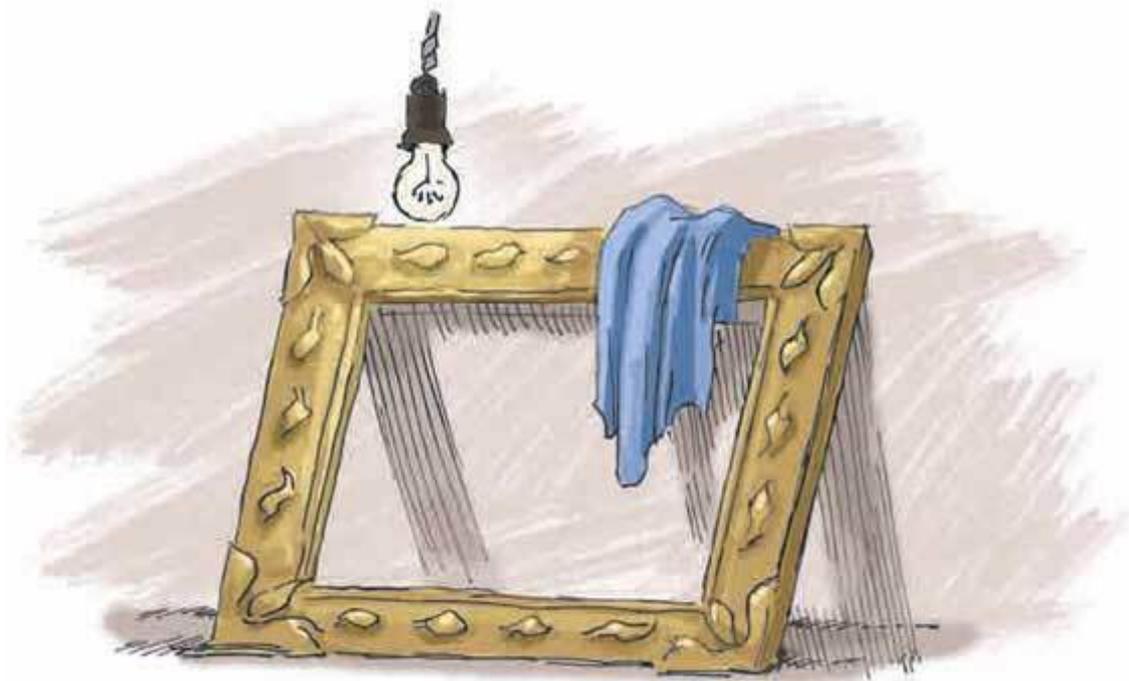
Он даёт мне деньги.

– Ты увидишь её! – кричу я.

– Ах, – говорит отец, – пошёл ты от меня со своими рамами!

Самая большая рама

Она стояла в коридоре, громадная, до потолка.

Самая тусклая лампочка светила в этом коридоре. Самая прекрасная рама мерцала в полутьме. Покрытая пылью, увешанная тряпками, эта рама не сразу была заметна. На раме стоял горшок. Но я сразу заметил её. Протёр рукавом. Это была очень старая, очень красивая рама.

Отец с матерью сидели в бабушкиной комнате и пили чай, а я всё ходил возле рамы в бабушкином коридоре. Я рассуждал про себя: «Если бы эта рама была нужна, на неё не ставили бы горшок. Не вешали бы тряпки. Она не стояла бы здесь в пыли. Но в то же время она, может быть, *нужна*. Она, может быть, *пока* стоит. А *потом* она будет нужна. Если бы это была не бабушкина рама, можно было бы спросить, не продаётся ли она, случайно. Ничего в этом нет такого. Может, люди хотят продать. А я хочу купить. Почему бы им не продать, если у них покупают? Но не будет же моя бабушка продавать мне раму! Она может только мне её подарить. А просить о том, чтобы она мне её подарила, было неудобно». Раньше, когда я был поменьше, я легко мог спросить у неё что угодно. Но сейчас не мог. Сколько слышал я разных слов: «Не волнуй бабушку», «Наша старенькая бабушка может умереть», «Не приставай к бабушке», «Не расстраивай бабушку», «Как тебе не стыдно такое спрашивать у бабушки», «Кто тебе позволил так разговаривать с бабушкой!». Нет, не мог я спросить у бабушки про эту раму. Я не был уверен в том, что это *можно* спросить. Что в этом нет ничего такого.

Обо всём этом я рассуждал в бабушкином коридоре.

Потом меня позвали в комнату, и бабушка угощала меня вареньем и всё повторяла, что давно меня не видела и хочет посмотреть на меня как следует, а я думал только о раме. Если мне что-нибудь в голову приходит, то обратно уже оттуда не уходит. Я думал, какую громадную картину можно вставить в эту раму, о том, в каком месте в нашей квартире можно повесить картину в такой раме, о том, сколько времени мне придётся писать такую картину.

– Раньше он был гораздо веселее, – сказала про меня бабушка. – И варенья всё время просил, а сейчас даже варенья не просит.

– Скоро он чего-нибудь покрепче затребует, – сказал отец.

– Чего потребует? – спросила бабушка.

– Ничего, – сказал отец.

– Не болтай ты, – сказала мама.

Бабушка спросила, не поставить ли ещё чаю, а я вдруг спросил, не мешает ли бабушке рама, когда она ходит на кухню ставить чайник.

– Голубчик ты мой, – сказала бабушка, – мешает она мне ужасно. Только родной внучек может о бабушке вспомнить, понять её, как ей эта рама проходу не даёт... Все коленки себе поотбивала, спину оцарапала, бок себе чуть не своротила об эту проклятую раму...

Никогда не любил я так бабушку! Ей не нужна была рама.

– О чём это вы? – спросила мама. Больше всего на свете ненавидела моя мама рамы. Будто эти рамы её в могилу загонят. Будто все беспокойства из-за рам. И беспорядок в доме.

Когда мама увидела эту раму, она закричала:

– Так вот к чему он клонит? Вот почему он так заботится о своей бабушке! Вот она, чистая, бескорыстная, добрая душа! Вот он, удивительный, художественный ребёнок! И ты думаешь, я позволю тебе тащить этот хлам в квартиру? Неужели ты мог хоть на миг об этом подумать?

Если мама начнёт кричать, она не остановится. Она будет кричать до тех пор, пока не устанет.

– Мне нужна рама! – кричал я. – Мне нужна рама!

Мы с мамой так кричали, что бабушке стало плохо.

– Что ты сделал с бабушкой! – возмущалась мама.

Отец стоял и молчал. Смотрел, что дальше будет. А потом как закричит:

– В конце концов, я ему *покупаю* рамы! А эту раму ему бесплатно дают!

Тогда мама сказала:

– Я не хочу быть свидетелем этого безобразия! – Она хлопнула дверью и вышла.

Мы с отцом вынесли раму.

Бабушка крестилась.

– Чтоб позолота не слетела! – орал я. – Осторожно, чтоб позолота не слетела!

Отец сказал, что, если я буду так орать, он сейчас же бросит раму. Тогда я замолчал.

Мы её молча несли по улице. А мама где-то шла впереди. Мне казалось, что мы несём не раму, а что-то такое, что нельзя объяснить.

Интересно, что тогда скажет мама, которая сейчас против этой рамы, когда она увидит в ней мою картину, а вокруг этой картины толпа и все спрашивают: «Скажите, вы не знаете, кто написал эту картину? А смотрите, как прекрасно подобрана рама!» Интересно, что она тогда скажет? Она тогда, наверное, скажет: «Я ничего подобного не говорила, я всегда была за то, чтобы взять у бабушки эту раму».

Рама простояла у нас весну, лето и осень.

Часто мечтал я о той картине. Которая будет в этой раме. Это должна быть замечательная картина. Может быть, это будет морская картина. Море и луна. Или море без луны. Или даже не море. А какая-нибудь пальма. Или даже не пальма. А какая-нибудь военная картина. А может быть, и не военная. Может быть, какая-нибудь другая замечательная картина.

Однажды зимой, поздно вечером, мы с отцом пришли из бани и радовались, что в комнате так тепло. Мы пили чай и хвалили маму. Ведь она затопила печку! А мама улыбалась.

И мы тоже пили чай и улыбались.

Вдруг мама спросила:

– А знаете ли вы, что я сожгла?

Я сразу что-то почувствовал и стал смотреть по сторонам и не мог догадаться, но почему-то вдруг испугался и не хотел, чтобы она говорила дальше.

Но мама сказала:

– Я сожгла вашу дурацкую раму.

Я поперхнулся чаем, а потом заплакал.

– Лучше бы ты не трогала эту раму... – сказал отец.

Алька

Я волосы отрастил, и они у меня назад зачёсывались. Меня стали дёргать за волосы. Попом Толоконным Лбом звать, Мочалкой.

Я наголо постригся. Ещё хуже стало. «Лысый! – кричат. – Кочан капусты!» По голове часто гладят.

Сижу я со своей лысой головой на задней парте. Приходит к нам в класс новенький. Такой чёрненький, и глаза чёрные. Его со мной посадить хотели. Как раз я один сидел. А он не хочет.

– Это почему же, – спрашивает Мария Николаевна, – ты с ним сидеть не хочешь?

А он твёрдо так отвечает:

– Я с ним сидеть не буду.

– Это почему же? – спрашивает Мария Николаевна.

– Потому что он лысый.

Хотел я вскочить, дать ему за это.

Мария Николаевна говорит:

– Что за чушь! Он, во-первых, не лысый, а постриженный, а во-вторых, если бы даже он и был лысый...

Он твердит:

– Я с ним сидеть не буду.

– Почему же ты всё-таки с ним сидеть не хочешь? – спрашивает Мария Николаевна.

– А потому, – отвечает, – что я уже с лысым сидел, так меня с ним заодно дразнили, хотя я и не был лысый.

– Какая дикость! – удивилась Мария Николаевна.

В конце концов он всё же сел. Со мной не разговаривает. В мою сторону не смотрит. Я тоже на него не смотрю, но вижу, что он листок вынул и что-то рисует.

Вижу я – рисует он конницу, скачущую в атаку. До чего здорово у него получалось – ну как у настоящего художника! Как будто он сто лет учился. Никогда я не видел, чтобы кто-

нибудь так коней рисовал. Я сразу подумал, что мне так никогда не нарисовать, сколько бы я ни старался, но в то же время, если я как следует постараюсь, я не хуже нарисую.

Я хотел показать ему, как надо рисовать. А потом сделал вид, что не вижу. Он ведь не знает, что я лучше всех в классе рисую. Скажет, я подражаю. Скажет, я обезьяна какая-нибудь или там попугай.

Ничего. Потом он узнает, кто с ним рядом сидит! Потом он узнает, какие я стенгазеты рисовал! Какого я Шота Руставели нарисовал. Какого я лётчика Покрышкина нарисовал, трижды Героя Советского Союза!

Пусть, пусть рисует!

А потом думаю: он, наверное, всю сейчас воображает. Сидит и воображает, будто никого на свете лучше нету. Выходит, он будет здесь воображать, а я? Просто так буду сидеть?

Я вырвал листок из тетради. И стал рисовать танки, идущие в атаку.

Он сначала не заметил, что я тоже рисую, или он не хотел замечать, а потом заметил и рисовать перестал.

На мой рисунок глядит.

Я это сразу почувствовал. И всю рисую, на него никакого внимания не обращаю. Только локтем свой рисунок закрываю, чтобы он не видел.

Вдруг он говорит:

– А ну, покажи.

– Чего, чего? – говорю.

– Покажи, – говорит, – что ты там такое начирикал.

– Чего, чего? – говорю.

– Ас, ас! – говорит.

– Чего? – говорю.

– Осторожно! – говорит. – Ас, ас!

– Что это, – говорю, – ещё за ас, ас?

– Ра-ра! – говорит. – Ра-ра! Работай.

Вот нашёлся какой! Какие-то слова мне бормочет. Удивить, наверное, меня этими словами хочет. Что бы, думаю, ему такое ответить, чтобы он так со мной разговаривать перестал. В это время он мне говорит:

– Вот если тебя спросит кто-нибудь: «Ты не кр?» – ты что ответишь?

– Чего, чего? – говорю.

– Нужно ответить: «Я не кр!» Понятно?

Тут я разозлился и говорю ему:

– Крыса ты!

Я сам не знаю, почему его крысой обозвал. Просто ничего другого мне в голову не пришло.

Он поднимает руку и говорит Марии Николаевне:

– Он меня крысой обозвал!

Мария Николаевна говорит:

– Как тебе не стыдно, Стариков! К нам пришёл новенький, он, наверное, стесняется, а ты его крысой обозвал...

– Кто? – говорю. – Он стесняется?!

До чего меня зло взяло, вы не представляете!

– Если ты мне сейчас не ответишь, с какой скоростью летят навстречу друг другу самолёты, ты покинешь класс...

Я встаю.

– Какие самолёты? – спрашиваю.

Я, наверное, здорово моргал глазами, потому что Мария Николаевна вдруг сказала:

– Брось моргать! Ну-ка, брось моргать! Дурачка представлять!

Моргал-то я просто случайно. Но я ничего не ответил. И всё молчал. А про эти самолёты я вообще ничего не слышал.

– Ну? – говорит Мария Николаевна.

– Повторите, пожалуйста, про эти самолёты, – говорю.

– Выйди, будь добр, из класса, – говорит Мария Николаевна.

– Если бы вы повторили ещё раз... – говорю.

– Я не могу слушать твои речи, – говорит Мария Николаевна.

Я собираю книги. Ничего такого я не сделал. Если бы я, там, мяукнул, как в прошлый раз. А сейчас? Его ко мне посадили, а я виноват!

Я сижу на последней парте. Иду медленно к двери. Через весь класс.

– Страна залечивает раны после войны, – говорит вслед мне Мария Николаевна, – миллионы заняты созидательным трудом, миллионы трудятся, а один...

Я уже возле двери.

– Подожди, – говорит Мария Николаевна.

Я останавливаюсь.

– Подойди-ка сюда.

Я подхожу.

Она почему-то волнуется. Вот уже совсем непонятно. Ей-то чего волноваться? Меня из класса выгоняют, а она волнуется.

Я стараюсь больше не моргать.

– Тебе не стыдно? – говорит Мария Николаевна.

Она держит в руках ручку, наверное, мне двойку хочет поставить. А руки у неё сильно дрожат. Это, наверное, потому, что она очень старенькая. Говорят, у старых людей всегда руки дрожат от старости...

– Я к тебе хорошо отношусь, – говорит она, – и ты, Стариков, способный человек. А ведь ты мне на голову садишься... И потом, пожалуйста, не воображай. Ты можешь пропасть... как камень, брошенный в море. И не улыбайся. Пропадёшь или будешь босяком вместе со своими художествами. Если не будешь учиться... Люди, честно не относящиеся к своему труду, обычно плохо кончают...

Она не собирается мне ставить двойку.

– Стенгазету нарисуешь? – спрашивает меня Мария Николаевна.

– Нарисую, – говорю.

– Чтобы была на славу, – говорит она.

– Ладно, – говорю я.

– Разве ты для меня стенгазеты рисуешь? – говорит она.

Я иду на место. Сажусь рядом с новеньким.

– Ра-ра! – говорит он тихо. – Ра-ра! – Прямо в самое ухо мне говорит, представляете?

Я встаю.

– Я с ним сидеть не буду, – говорю я.

Мария Николаевна смотрит на меня и хмурится.

– Я с ним сидеть не хочу, – говорю.

– Выходите оба! – говорит Мария Николаевна. – Я не желаю слушать ваши речи!

Мы оба выходим.

Я с одной стороны. Он с другой. Я первый вышел в коридор, а он за мной.

Вдруг он говорит:

– Слушай, тут, наверное, разные завучи ходят... Пойдём в уборную.

– Я в уборную не хочу, – говорю.

– Самое безопасное место, – говорит. – Сиди себе в полной безопасности.

Я сначала совсем не хотел в уборную идти. А потом пошёл. И вправду, думаю, там, наверно, безопаснее.

Каждый в свою кабину сел. Сидим себе в полной безопасности. Здорово это он придумал!

Сидели, сидели, он мне постучал.

– Сидишь? – спрашивает.

– Сижу, – говорю.

– Как тебя звать? – спрашивает.

– Витька, – говорю.

– А я Алька, – говорит.

– Очень приятно, – говорю.

– Очень приятно, – говорит.

У нас с ним много общего оказалось. Масляными красками он, оказывается, так же как и я, никогда не писал. И рисовать его тоже никто не учил. Он сам всему научился. Он с самого детства на асфальте рисовал. Пойдёт с бабушкой в садик и рисует мелом на асфальте. Я стал вспоминать и вспомнил, что я раньше тоже рисовал на асфальте.

– Ты много на асфальте рисовал? – спросил он.

– Много, – сказал я.

– Хорошая школа, – сказал он.

– Какая школа? – не понял я.

– Художественная, – сказал он.

– Ага, – сказал я. Хотя всё равно не понял.

– На асфальте. На бумаге. На холсте, – сказал он.

– Ну да, – сказал я.

– Все истинные художники начинали рисовать на асфальте, – сказал он. – Так мне один художник сказал.

– Конечно, – сказал я. Хотя я никак не мог понять, почему они все начинали рисовать на асфальте.

Он опять постучал мне.

– Ты чего молчишь? – говорит.

Достаточно ли я рисовал на асфальте? Стану ли я истинным художником? Вот о чём думал я.

– Ты что, заснул? – спросил он.

– А ты много рисовал на асфальте? – спросил я.

– Как помню себя, – сказал он.

– Я когда-нибудь нарисую громадную картину, – сказал я, – до потолка... у меня была рама... громадная рама... мама её в печке сожгла. Жалко мне эту раму...

– Если быть художником, – сказал он, – только великим. Мне один художник сказал, что не великим художником быть не стоит.

- Бей пять, – сказал я.
  - Потом, – сказал он.
  - Конечно, – сказал я.
  - Звонка что-то нет, – сказал он. – Долго мы здесь сидим. Мне по чувству кажется – звонок должен быть.
  - Наверное, ещё рано... – сказал я.
  - Пойди-ка ты на разведку, – сказал он.
  - На какую разведку? – спросил я.
  - Был звонок или нет, – сказал он.
  - А ты? – спросил я.
  - А я посижу.
  - Хитрый ты.
  - А ты трус.
  - Я не трус, – сказал я.
- Я вышел из кабинки. Просунул голову в коридор и увидел директора. Он поманил меня пальцем.
- Разве ещё звонок не было? – спросил я растерянно.
  - Иди, иди сюда, – сказал он.
- На другой день мою маму вызвали в школу.

Пётр Петрович

Пётр Петрович ходит по классу.

Он очень худой и высокий. В солдатской гимнастёрке, в сапогах. Гвардейский значок на груди. Два ордена Красной Звезды.

Пётр Петрович проверяет, все ли принесли краски.

Краски принесли не все.

– Я никогда не понимал таких людей, – говорит он, – которые не любят краски... Тинторетто! Тициан! Делакруа! Они все любили краски. Запомните их имена! А Суриков! Посмотрите «Боярыню Морозову»! Посмотрите эту картину – и вы будете приносить в класс краски...

Пётр Петрович вынимает из портфеля глиняный горшок и сиреневую тряпку. Кладёт эти предметы на стол. Один конец тряпки он засовывает в горлышко кувшина, а другой свисает на стол.

– Все набрали в баночки воду? – спрашивает он.

Воду в баночки почти никто не набрал. Пол-класса идёт за водой.

– Неужели нельзя было подготовиться? – Пётр Петрович садится за стол и так сидит, обхватив голову руками.

Один за другим входят с баночками, стаканами, чашечками ученики. В классе шум, разговоры.

Пётр Петрович всё так же сидит, обхватив голову руками.

– Значит, все приготовились? – Он встаёт, ходит по классу. Кладёт на парты листки рисовальной бумаги.

Урок рисования начался.

Со всех сторон кричат:

– Пётр Петрович, посмотрите у меня!

– Пётр Петрович, посмотрите у меня!

– Пётр Петрович!!!

Он смотрит у всех.

– Начало хорошее, – говорит он. – Начало хорошее...

Класс стихает. Почти все довольны. Начало почти у всех хорошее.

Пётр Петрович сидит за столом, подперев рукой щеку, и рассказывает:

– Когда я был ещё студентом, на одной выставке висела моя большая картина... Так вот ты, Кафаров, спрашиваешь, почему я не знаменитый художник? Гм... как бы тебе сказать... Я, конечно, не знаменитый художник, ты правильно это заметил... совершенно справедливо это подчеркнул... Я... мне война помешала... большая семья... ну, как бы это тебе сказать, дорогой мой... Та картина, о которой я только что говорил, была достойна висеть в ряду уважаемых художников... Я к тому это всё говорю, что... по существу, ты, Кафаров, задал мне довольно сложный вопрос, на который я тебе ответить, пожалуй, и не смогу... учитывая всю сложность жизни человека...

В классе тихо. Хотя часто бывает шумно. Почти никто не рисует. Все слушают. Тася Лебедева раскрыла рот и глядит на Петра Петровича. Залетит ей муха в рот, не будет так рот раскрывать...

– А где сейчас та картина? – спрашивает Кафаров.

– Сейчас я даже не знаю... Дальнейшая судьба этой картины мне неизвестна. Её ведь у меня купили... Висела она в большом зале...

– Я видел! – кричит Кафаров.

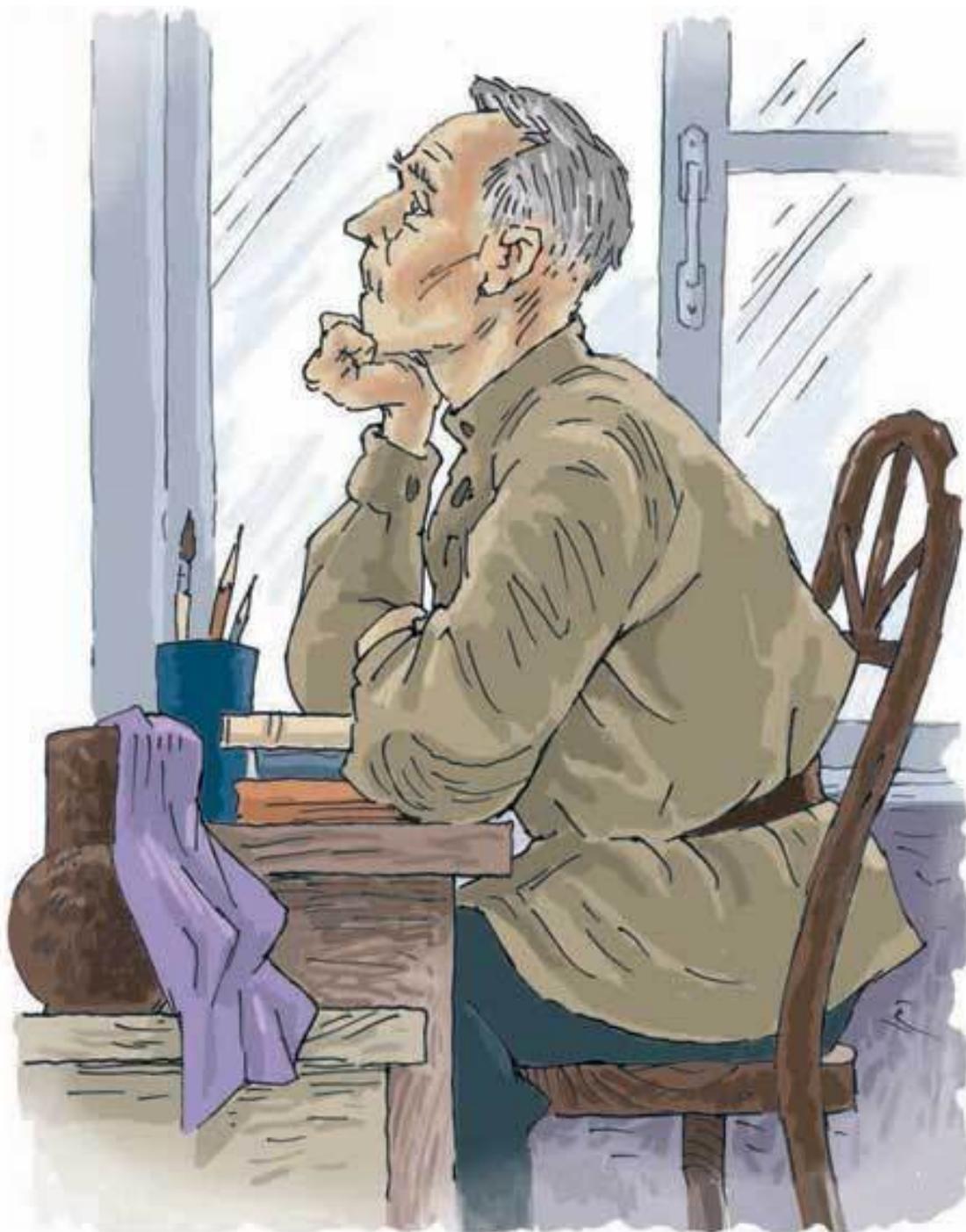
– Ты не мог её видеть, потому что это было в Ленинграде. Я как сейчас её помню: висит в большом зале... прекрасно освещённая... толпы народа... разговоры... даже споры... Я как раз тогда на пятом курсе в Академии художеств учился... несколько злоупотреблял красочной стороной в ущерб рисунку... И зачем я это всё вам рассказываю, и сам не знаю... Так вот... вспомнил, как говорится...

– А ещё вы рисовали? – спрашивает Ка-фаров.

– Картины не рисуют, а пишут красками. Рисуют карандашами, углём, пастелью. Я вам это уже говорил.

– Всего одну картину написали? – спрашивает Кафаров.

– Когда ты подрастёшь, ты не будешь так думать, как сейчас... Я прекрасно понимаю, о чём ты хочешь сказать... Я вовсе не для того вам это рассказываю... Кстати, я сейчас урывками пишу картину, которая у меня нехудо получается... Да будет вам известно, что Александр Ива́нов двадцать пять лет писал одну картину...

Кафаров больше ничего не спрашивает.

Никто больше ничего не спрашивает.

Зазвенели кисточки о баночки, стаканы, чашечки. Все снова рисуют. Даже Кафаров, который ненавидит рисовать, даже он язык высунул, до того старается. Все рисуют горшок и тряпку. Все словно хотят стать великими.

Никогда я не думал, что этот горшок и тряпку так трудно рисовать! Во-первых, один бок у горшка получается кривой. Во-вторых, он не получается круглый. А в-третьих, всё не так получается.

Я спешу исправить рисунок. Пока Пётр Петрович не видит. Хотя бы этот кривой бок подправить, пока он не увидел. «Вот тебе, – скажет, – и лучший рисовальщик! Вот тебе и способный!» Один раз я сломал себе руку, так Пётр Петрович сказал: «Как же так, у тебя

золотые руки, а ты их ломаешь!» Я тогда очень гордился этим, что вот, мол, золотая рука, а я, несмотря на это, взял и сломал её!

Я спешу, а выходит хуже. Теперь и второй бок кривой.

Смотрю Алькин рисунок. Тоже неважно получается. Кривой горшок получается.

Проклятый горшок! Трудно всё-таки стать великим, если этот горшок даже нарисовать не можем...

Звенит звонок.

– Одну минуточку! – Пётр Петрович поднял кверху руку. – Совсем забыл. «Пионерская правда», ребята, объявила конкурс на лучший рисунок, и если кто из вас постарается...

Алька говорит:

– Вот здорово-то! Наверное, я заберу премию. Я с самого детства рисую!

Вокруг загалдели:

– А какая будет премия?

– А сколько времени нужно рисовать?

– А чем рисовать?

– А на чём рисовать?

– А что рисовать?

Пётр Петрович опустил руку.

– Рисовать можно всё, – сказал он. – Срисовывать нельзя.

– А я срисую, и никто не узнает, – сказал Кафаров.

– Ты-то сам будешь знать? – спросил Пётр Петрович.

– Буду.

– А ты говоришь, *никто* не будет знать!

Все засмеялись.

– Микеланджело! – сказал Пётр Петрович. – Франсиско Гойя! Запомните их имена! – Он положил в портфель горшок и тряпку. – До свидания! – сказал он.

Кафаров

- Давай, Кафар!!!
- Бей, Кафар!!!
- Сюда, Кафар!!!
- Туда, Кафар!!!
- Так, Кафар!!!
- Есть, Кафар!!!
- Го-о-о-ол!!!
- Ка-фа-а-ар!!!

Я весь в пыли. В разорванной рубаше. Я вратарь.

Кафаров уже совсем близко. Он мчится с мячом на меня.

Удар! Я лечу в пыль. Поздно. Гол!

Если в вашей команде Кафаров, вы никогда не проиграете. Если он против вас, вы обязательно проиграете.

Никто во всей школе, на всей нашей улице не играет лучше Кафарова.

Игра продолжается.

– Лови! – смеётся Кафаров.

Я прыгаю мимо мяча.

– Чучело! – орут мне.

А я-то при чём? Посмотрите, как наши играют! Всё время мяч у Кафарова. Опять мчится на меня.

– Хватай! – кричит он.

Гол!!!

– Эй, ворона! – кричат мне.

Игра продолжается.

Гол! Ещё гол! Ещё!

Вся наша команда бегает за Кафаровым. Всё время мяч у него. Кафаров опять прорвался.
За ним мчится наша команда. Ну и команда!

Я выхожу из ворот.

Мяч влетает в пустые ворота.

– Привет! – ору я. – С меня хватит!

– Что такое? – кричит капитан. – Встань на место!

– Сам встань и стой! – кричу я.

– Не имеешь права! – орёт кто-то.

– Тебе доверили! – орёт наш капитан.

– Вам тоже доверили! – кричу я. – Играть не умеете!

– Не твоё дело! – кричат мне.

– Вот ещё! А чьё же тогда это дело? Мне голы забивают – и не моё дело?

– Брать надо! – кричат мне.

– Играть надо! – кричу я.

Свистят и кричат. Скандал на поле.

– Двенадцать – ноль! – орёт кто-то. – Двенадцать – ноль!!!

– Это тебе не рисуночки рисовать, – говорит мне Кафаров.

– Подумаешь! – говорю я.

– Рисуночки разные там, шалай-валяй, дурачка валять, а здесь дело серьёзное!

– Думай, что говоришь! – кричу я.

– Здесь работа! – орёт Кафаров. – Бить надо! Брать надо! А твоя работа – это не работа! –

Он суёт мне в нос мяч. – На, забей! Ну? Я встану! А ты забей!

– Давай! – Я хватаю мяч.

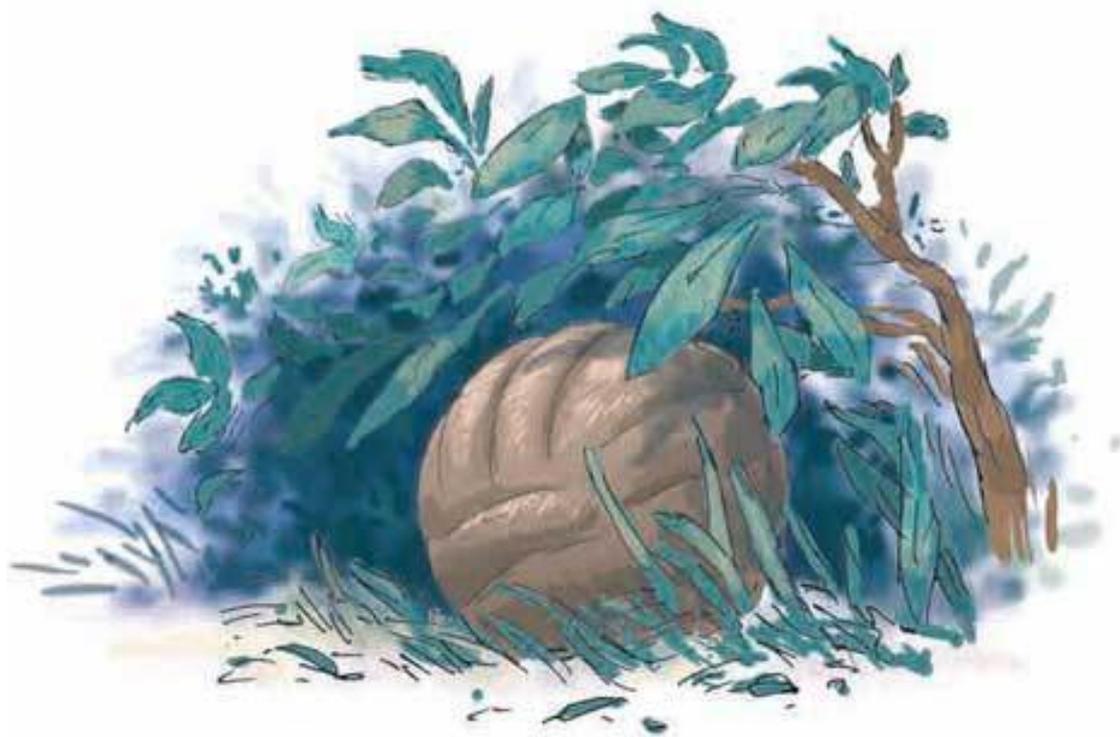
Кафаров идёт в ворота.

Я считаю шаги. Кладу мяч. Кафаров приготовился.

Удар!

Мяч летит в кусты.

Больше всех смеётся Кафаров.

Возле учительской

Я бежал по коридору во весь дух. И зачем я бежал, сам не знаю. У меня иногда бывает такое желание – взять и побежать. Побегу, думаю, до той двери, пока та девчонка до неё не дойдёт.

Бегу я, значит, и со всего размаху налетаю на завуча. Я чуть его с ног не сбил.

Он зашатался и говорит:

– А если бы это был малыш? Первоклассник? Ты бы, наверное, его убил на месте? Ты что, конь, что ли? Иди сию минуту и жди меня возле учительской!

Я пошёл, встал возле учительской.

И тут я слышу голос Петра Петровича. Он кому-то в учительской рассказывает:

– Мечты у меня были в то время самые радужные... Великие идеи так и кружились в моей голове...

Трамвай по улице проехал, и я не слышал, что он дальше говорил. Потом слышу:

– ...окончил художественное училище... в Академию художеств собирался...

Я подошёл поближе.

– ...задержался... стал портреты писать сухой кистью... В то время они громадный спрос имели. Любому учреждению тогда требовались...

Радио в коридоре включили на полную мощность:

«Всем председателям совета отрядов собраться в пионерской комнате к пяти часам».

Радио умолкло. Пётр Петрович рассказывал:

– ...знаете, сухой кистью делать очень легко. Разбивается полотно на клеточки одинаковой величины... фотография данного портрета соответственно разбивается на клеточки... рисуется по этим клеточкам контур портрета... с фотографии... Дело идёт очень быстро... легко... результат получается налицо... По этим контурам сухой кистью... так сказать, растираешь... ерундовая работа... никакого таланта не нужно... только немножечко умения... ни уму ни сердцу, как говорится.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.